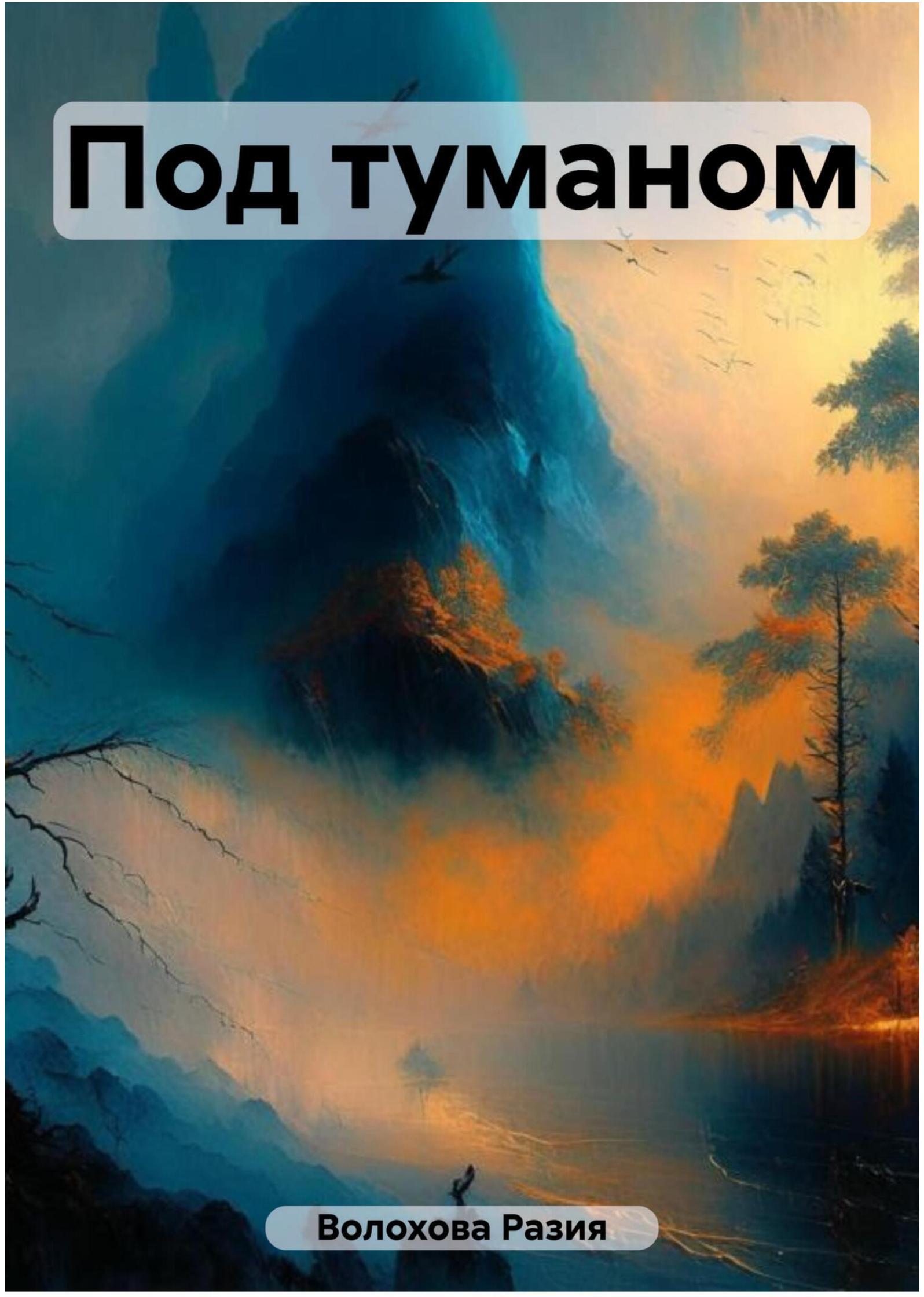

Под туманом

Волохова Разия

Разия Волохова

Под туманом

«Автор»

2023

Волохова Р.

Под туманом / Р. Волохова — «Автор», 2023

Мир, в котором живёт маленькая Бритта, покрыт туманом. Однажды, когда она подрастёт, ей придётся склонить под туманом голову и на её спине вырастет уродливый горб. Можно ли выбраться из-под тумана? Кто его создал и как его уничтожить? Что за адское варево варит король Подгорного царства, чтобы остановить будущее? Будущее - это не только дети. Будущее - это перемены. Владыка Подгорного царства выбирает мир без детей и без перемен. Но не все его подданные согласны с таким выбором.

© Волохова Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Разия Волохова

Под туманом

Глава 1

Меня зовут маленькая Бритта. Маленькой быть очень удобно. Легко залезаешь в дом. Не надо постоянно сгибаться. Нет горба на спине. Вот Мисик ушел, как только голова начала гнуться. И не вернулся.

В тот день туман спустился ещё до сумрака, на ужин все собрались раньше обычного. Все это Альма, Мира, Вёсь, Хмурый дед и баба Нюра. Баба Нюра почти не выходит из дома – ей трудно пролезать через вход. Зато у нас всегда есть горячая и не горелая еда.

После ужина пришли Есик, Тоник и Жук – погреться у печки и послушать истории бабы Нюры. Они заявили, что поужинали, но я-то видела, что в их доме печку не топили. Баба протянула им по печёной картошке, ломтю хлеба и кружке сидра.

Баба Нюра и Хмурый дед – единственные, кто помнит мир до тумана. Только дед не рассказывает истории.

Когда баба Нюра была девочкой, тумана не было. Было это ... небо. Синее. Как незабудки на склонах оврага. И все ходили прямые, даже те, кто был ростом с молодую берёзу. Жили наверху, в долине у горы. За долиной течёт река, баба Нюра вместе с мальчишками ловила там водных жителей. Вот таких, от пальцев до пальцев!

А потом от реки пришел туман. В тумане этом невозможно дышать. Часть жителей побежала на гору, а часть – сюда, в овраг. Туман здесь как натянутое одеяло. Днём он цепляет за плечи. Если сильно опустить голову, то можно ходить. До сумерек, потом туман спускается ниже. Вход в дома у нас высотой по колено, чтобы туман не проник внутрь. Зато в доме можно распрямиться, если горб ещё не вырос.

Сидели мы, пили сидр. А у Жука плечи прозрачными стали. Это из-за дымки.

Дымка появилась только этим летом, раньше её не было. Она выползает в светлые дни, когда в тумане виден круглый диск. Дышать в дымке можно, но, если долго в ней побыть долго, тело становится прозрачным. У Жука исчезли плечи и часть затылка. Что она такое, это дымка, никто не знает. С другой стороны, и про туман никто толком не знает, он появился, вот и всё.

Мира подошла к кувшину налить сидра и тут я увидела, что её белые волосы уже не белые, а прозрачные. И верхушки ушей тоже. Я начала рассматривать остальных – у Альмы и Вёся прозрачным стало всё, что выше бровей. А у Тоника пропала правая бровь – она была выше левой. Баба Нюра взяла лампу и велела всем выстроиться в ряд и снять куртки.

– Мы не можем сидеть в доме и ждать непонятно чего. Мы поумираем с голоду!

Запасов в подполе было восемь вёдер, четыре кадушки и горка прошлогодних картошек. А ещё две полки яблок и мешок муки. Но нас теперь было девять человек. И вода кончалась. Одна бочка осталась с того вечера, ещё одну наполнил дождь по водостоку. Картошки в поле скоро начнут гнить. И яблоки. Они гниют уж через день, а тут неделя. Самые вкусные – только что упавшие. Я всегда проверяла сад по утрам, а если был ветер, то и два раза в день. Баба Нюра рассказывала, что в её детстве яблоки срывали прямо с веток.

Утром овсянка была без яблок. Невкусная. Мы с Мирой сели прясть – мы теперь всегда пряли. А Альма достала ткацкий станок. Хмурый дед усадил остальных резать ложки – их вечно не хватало. Баба Нюра молчала.

– Дымка не может держаться долго. Нужно дождаться ветра, – это Вёсь, он всегда говорит хорошее.

– Ветер дует над туманом, дурачок. А дымке всё равно, – ответил Жук. – Никуда она не денется. Мы просто исчезнем, когда оголодаем и вылезем наружу.

Тут заговорил Хмурый дед:

– Когда-то давно, мать пела песню, что за рекой зажжется огонь, который разгонит туман.

Мы тогда не понимали, о чём это.

– Глупости. Кто сейчас переберётся через реку? – оборвала её баба Нюра.

Вечером баба дала Жуку, Есику и Тонику всего по полкартошки. Они же не из нашего дома. И я решилась.

Утром пораньше вылезла через вход, он теперь был прикрыт куском старого одеяла, чтобы дымка внутрь не залезла. Дымка была желтоватая и пахла тухлятиной. Картошек я накопала три ведра. Из сада тянуло сидром. Яблоки почти все почернели. Но полведра я набрала. Пойдут в кашу. Подёргала морковки и репок. Они, правда, ещё не дозрели. И лука. Баба Нюра любит лук.

Диск проглядывал через туман необычно ярко. Ладони у меня посветлели, кончики пальцев с ногтями стали совсем прозрачными. Но слушались и даже чувствовали боль, когда схватили крапиву.

Я сложила всю еду на пороге и наполнила бочки. Мисик говорил перед уходом: «Хоть на мир взгляну. Всё лучше, чем жить горбатым в овраге».

Я замотала голову его шарфом. Колючие нитки лезли в рот, но так мне казалось безопаснее. За яблонями овраг поднимался вверх. Хорошо быть маленькой – я прошла почти половину подъёма на прямых ногах, потом склонила голову, потом встала на четвереньки. Штаны сразу промокли, но я добралась до края оврага. Там пришлось ползти, прижав нос к земле. Пахло сыростью и чем-то терпким. Ладони почти исчезли, но я их всё равно чувствовала, они меня слушались, так что какая разница?

Туман здесь лежал не ровно, а клочьями и буграми. В одном месте мне удалось сесть. Дымки не было. Прозрачными пальцами я сорвала странный цветок – желтая серединка и белые лепестки. Он почти не пах.

Теперь я шла на согнутых ногах. Всё лучше, чем ползком. Дышалось нормально, я даже шарф спустила с лица. Видно было не дальше, чем на десяток ладоней. Я шла и шла вперёд, и вдруг вышла на открытую площадку. Туман образовывал что-то вроде оврага, если овраг перевернуть. Я выпрямилась. То, что казалось густыми столбами тумана, были толстые стволы деревьев. Выше они разделялись на ветки, сгибающиеся под тяжестью желто-розовых яблок. Внизу земля была скользкой от гниющих паданцев. Я чуть подпрыгнула и сорвала яблоко. Оно смешно смотрелось у пустого рукава моей куртки. Сок тёк по щекам, шарф быстро промок, но я не могла остановиться. Так и ела бы, если б не сумерки. Туман спустился не очень низко, можно было идти на прямых ногах.

За садом начинался косогор, а внизу лентой клубилась дымка, но не жёлтая, как в овраге, а серо-голубая. Та самая река. А за ней... За ней не было тумана! Желтоватые клочья плыли высоко, выше деревьев и вообще всего выше. А ещё выше было серо-розовое. Я протёрла глаза. Всё верно. Серо-розовое, а дальше бело-голубое. Я поскользнулась и поехала вниз на спине, прямо в дымку.

Трава закончилась, начались камни. Дымка доставала мне до пояса. Я присела на булыжник и достала яблоко. Дома у меня не было, так что, если туман опустится на землю, я задохнусь. Доев, бросила в траву веточку и вошла в воду. Плавать я не умела, как выглядят речные жители не знала, но точно знала, что мне на другой берег.

Вода оказалась неожиданно тёплой. Зайдя по шею, я оттолкнулась ногами от камней. Меня понесло вправо, а куртка с набитыми карманами потянула вниз. Я изо всех сил старалась не вдыхать, но грудь всё решила за меня. Вода хлынула в горло, а дальше ничего не помню.

Очнулась я в темноте. Голова лежала на мягком и тёплом. Тянуло дымом, как будто где-то рядом топили печь.

– Ты с ума сошла? Лезть в реку в одежде, не умея плавать! – голос был Мисика. И руки его – горячие и шершавые. Я разрыдалась, прижалась к брату и заснула.

Глава 2

– Что с твоими руками?

Мисик рассматривал рукава моей куртки. Хотел засунуть руку внутрь и зашипел, когда мои невидимые ногти царапнули его ладонь. Он не знал про жёлтую дымку, год назад она в овраге ещё не появлялась.

– И они сидят в доме? А ты сбежала?

– Я подумала, что так еды хватит на подольше. А я на мир гляну, хоть одним глазком. Ну и пусть руки прозрачные. Они хорошо меня слушаются.

Мисик кивнул. И достал из сумки ковригу хлеба и кусок чего-то желтого и пахучего. Хлеб был не таким, как пекла баба Нюра.

– Это сыр. А хлеб из ржи. В овраге рожь почему-то не выращивали. А сыр делают из молока вот таких здоровенных животных. Но они мирные и добрые.

Я съела всё. И выпила травяной отвар, который Мисик сварил в котелке на костре. И пожалела, что яблоки уплыли по реке.

– Мы ещё сходим в сад и нарвём. А сейчас пойдём домой.

Дом Мисик построил в лесу. Здесь вообще было много леса. Туман не скрывал кроны деревьев, они все были такие разные! Мне хотелось каждое рассмотреть и потрогать, а Мисик меня не торопил, так что шли мы долго.

Дом был совсем как наш дом в овраге. Только не на земле, а на столбах по пояс высотой.

– Здесь весной стоит вода, – объяснил Мисик, когда мы с высокого крыльца пролезли внутрь.

Он принялся топить печь, хотя я уже давно согрелась. И куртка почти совсем высохла. Поставил на стол горшок каши. Не овсянки, а какой-то жёлтой. Но вкусной. И ещё хлеб. И горшочек варенья из смородины – в овраге тоже росла такая.

После еды я сидела, завернувшись в тёплое одеяло, а Мисик рассказывал.

– До ближайшей деревни день ходу через лес. Я сначала пытался жить там. Они хорошие. Давали мне заработать. Но там всё не так... Представляешь, вход в дома огромный, даже голову нагибать не надо. Внутри чувствуешь себя как на улице. Я покупаю там припасы, а живу здесь. Тут был дом, почти разрушенный. Я его подновил. А печь старая.

Печь совсем не выглядела старой. Она тихо светилась свежей побелкой с синими и желтыми разводами. Под почти чёрным потолком коптились какие-то длинные тушки, без лап и с плоскими, похожими на листочки, хвостами. В овраге таких не было. Мы ловили и коптили на зиму кроликов и хорьков. Иногда птиц. Но эти были ни на что не похожи.

– Рыбы, – объяснил Мисик. – Живут в реке. Я их отвожу в деревню и меняю на еду и всё остальное. Сначала приходилось выменивать даже картошки. А весной я посадил свои.

Спать он отправил меня на печку. Боялся, что заболею. Тут же нет бабы Нюры, чтобы лечить.

Утром мы ели овсянку с яблоками и синими ягодами. Не смородина, но сладкие и вкусные. Мисик сказал, что они растут в лесу. Отвар у него был очень душистым. А ещё горшочек с желтым и сладким. Называется мёд. Мисик добавил его в отвар, а я ела ложкой. Вкусно.

– Сегодня и завтра не смотри наверх. Там солнце, глаза обожжешь с непривычки. И сиди, где не очень ярко. Потом привыкнешь.

Мне хватало тени. Я бродила вокруг избушки, разглядывала всё, что росло, дышала странным, немного колючим воздухом. Солнце оставляло яркие тёплые пятна на траве, я легла на такое пятно, крепко зажмурившись, замотала для верности глаза шарфом и заснула. Когда проснулась, пятно ушло, но земля оставалась тёплой. Мисик копал картошки на обед. Я взяла

у него ведро и занялась готовкой. Воду здесь добывали из глубокой дыры в земле, обложенной брёвнами, туда спускалось ведро на длинной цепи. А цепь накручивалась на ручку. Очень удобно. К картошке Мисик достал ещё горшочек с чем-то желтым. На этот раз не сладким. Оно таяло в горячей картошке и издавало непривычный запах.

– Масло, – объяснил он. – Тоже из молока.

Через несколько дней Мисик собрался в деревню. «На воскресный торг». Я напросилась с ним: солнце меня уже не обжигало и хотелось посмотреть на тех странных людей и на коров, которые дают масло и сыр.

Мы собрали всех копчёных рыб – Мисик предлагал попробовать, я отказалась. Собрали котомку с хлебом, сыром и варёными картошками, и фляги с отваром.

Через лес не было ни дороги, ни даже тропинки. Мисик шёл, глядя на какие-то свои метки, он мне показывал, но я не запоминала. Я смотрела на лес. Лес казался внимательным и дружелюбным. Я ощущала любопытные щекочущие взгляды. Казалось, стоит чуть-чуть напрячься, и он заговорит. У оврага если и были глаза, то внутри тумана. Я знала, что зверям, птицам и деревьям нет дела до двух бредущих мимо них детей, лесу же – было. Ему было интересно.

Мы шли долго. Но идти, не сгибаясь, и даже подпрыгивая вверх, было совсем не сложно. Я удивилась, когда Мисик сказал, что мы прошли полдороги и пора перекусить.

– Мне нравится лес, – сказала я, прожевав хлеб с сыром. – Он добрый.

– Впереди зима. Посмотришь на его доброту, – усмехнулся Мисик. – Надо побольше рыб наловить, пока реку не сковало. У меня пока только на ползимы припасено. И за яблоками на ту сторону сходить. Жаль, если все пропадут. Одежду тебе зимнюю раздобыть. Валенки.

– Валенки?

– Тёплые высокие башмаки из шерсти. Зимой по снегу ходить.

Я взглянула на свои башмаки. Хмурый дед выточил их из ствола поваленной ветром яблони ещё когда Мисик был моего роста. Я носила их зимой и летом и пальцы пока не начали упираться в носок. Но зимой мы редко выходили на улицу. Только за водой, а что там ещё делать?

Лес закончился внезапно. Очередной бурелом, за ним просвет и вот мы на опушке. С опушки всё светилось малиново-золотистым. Я уже привыкла, что к вечеру небо сначала белеет, а потом розовеет. А сейчас солнце, которое я видела сияюще-желтым, оказалось красным и большим. Его горбушка скрывалась за одним из дальних холмов. Трава и деревья там казались золотистыми.

На ближайшем холме золотились крышами несколько десятков домиков. Внизу виднелись серо-розоватые водяные блямбы.

– Озёра, – объяснил Мисик. А деревня называется Озерки. Там на околице дед Трофим, он пустит переночевать.

Хозяйство Трофима было крошечным, а сам он горбатый, словно из нашего оврага. И ворчал совсем как Хмурый дед. Я сразу почувствовала себя уютно, хотя вход в его дом и правда был огромным. Но дверь запиралась накрепко, можно представить, что её вообще нет.

Мисик, сбросив котомку, вручил деду копченую рыбу и отправился во двор колоть дрова. А меня усадили на лавку за щербатый стол. Дед достал из печи горшок с кашей. Я вскочила было помочь, но он велел сидеть на месте.

– По дому я пока справляюсь, – голос деда был сиплым. – А на молодую мордашку приятно смотреть. Мало вас стало, молодых.

– Все уходят? – удивилась я. В овраге мы с Мисиком действительно были самыми младшими, но то овраг, под туманом. А тут вон какое раздолье. Дед, кстати, не видел, что у меня руки прозрачные. Может, и лицо моё он выдумал?

– Не рождаются, – ответил дед. – Не рождаются и всё. А мы стареем.

Тут пришел Мисик с двумя ведрами воды, и мы сели ужинать. Дед ел рыбу с удовольствием, выплёвывая кости прямо на стол. Мне запах продолжал не нравиться. А каша с маслом была отличная, почти как у Мисика. Спать нас дед отправил на печку, а сам улёгся на длинной лавке. Мисик заснул сразу, я же, поворочавшись, решила выйти во двор. Никогда раньше не выходила ночью, даже у Мисика. Казалось, ночью весь мир замирает. Но здесь она была наполнена звуками и запахами: тянуло дымом, слышались голоса каких-то зверей – то визгливые, то низкие и протяжные, а потом несколько женских голосов затянули песню про кудрявую молодку и удалого молодца. Я накинула куртку Мисика поверх своей и приоткрыла здоровенную дверь.

Ночь была прозрачной. Над холмом завис огромный золотистый диск – Мисик говорил, что это луна. Я видела луну впервые, она совсем не обжигала глаза. И она как будто мне подмигнула.

Я вдыхала прохладный тёмный воздух, слушала звуки деревни и думала, что однажды, например, весной, мы с Мисиком выведем всех наших из оврага. Бабе Нюре будет тяжело ползти, но мы как-нибудь. Здесь намного лучше, даже в деревне. Хотя мне больше нравился лес. И Мисику тоже.

Утром, выпив молока (мне понравилось!) и съев по ломтю хлеба, мы пошли на торг. Мисик велел надеть специальную одежду для рук, как чулки для каждого пальца, собранные вместе. Он сказал, что это перчатки. Луг на краю деревни заставили телегами и длинными столами. Один такой стол был завален копчёной рыбой. Мисик пристроился с краю и выложил наших рыб. Они сильно отличались от соседок – те были плоскими и почти круглыми, а наши длинными и зубастыми.

– Хорошо коптил? – тут же подлетела толстая тётка в синем цветастом платье. Я такого полотна никогда не видела.

– Как для себя, – весело ответил Мисик и протянул самую зубастую из наших рыб. Тётка заглянула рыбе в морду, понюхала и выложила на стол два коричневых кружочка. Я непонимающе уставилась на Мисика. Он покачал головой, мол, потом объясню. К столу подошли ещё два покупателя.

Наших рыб раскупили быстро.

– Они из реки, – объяснил Мисик. – До реки далеко, местные ловят в озёрах. Но речные вкуснее.

Он складывал кружочки – их называли медяшками – в мешочек на поясе. К полудню мешочек был наполнен почти до половины, рыбы закончились, и мы пошли по торгу менять медяшки на настоящую еду. Мисика тут знали. Он солидно разговаривал с каждым продавцом про погоду, урожай и суровая ли ожидается зима, а я разглядывала коров, коз и птиц. Мисик раздумывал, не купить ли нам кур, чтобы зимой были яйца, но решил отложить на следующий раз. А ещё лошади! Огромные и прекрасные, куда красивее коров! Они таскали телеги, и Мисик сказал, что на них можно кататься. А ещё под ногами крутились собаки – они тут помощники и друзья для тех, кто их кормит.

Мешки с мукой, крупами, кругляши сыра, горшки масла и мёда мы оттащили к деду Трофиму. Мисик купил пирогов с капустой и яйцами, и сидра. Мы пообедали втроём, а потом пошли искать мне тёплую одежду. Дед Трофим посоветовал купить специальных крючков, чтобы ловить рыб зимой. Зимой река покрывается льдом, но его можно разбить. Сетку туда не поставишь, а крючок с наживкой спустить можно.

Одежду продавали тоже на торгу. Она лежала горой на телеге, а хозяйка – длинная и прямая как палка, в тёмно-коричневом платье, оглядела меня и буркнула, что такого размера одежда вся очень старая. Она откопала куртку, тёплые штаны, и платье в синюю клеточку. Ещё круглую шапку, смешную. И толстые перчатки, теплее, чем те, что были на мне. Валенки мы нашли на другой телеге. Продавец – кудлатый, с торчащей во все стороны бородой, выудил нужный размер из-под целой горы. Странно, я привыкла, что обувь должна быть твёрдой, иначе зачем она нужна? Но Мисик сказал, что валенки всегда мягкие.

Я жутко устала. От всего нового, от людей – столько людей я в жизни не видела! От запахов. Пахло на торгу сразу всем – пирогами, рыбой, кровью, отхожим местом, ещё чем-то резким. Я мечтала вернуться к избушке Мисика и улечься на солнечном пятне в траву.

Надо было купить крючки. Они продавались не на торгу, а в настоящем доме, Мисик назвал его лавкой. За слишком высоким входом оказалось довольно тесно – полкомнаты занимал огромный стол, на котором были разложены разные штуки из металла. В овраге ножи и топоры были великой ценностью – их сохраняли с наступления тумана. А лежащих тут хватило бы на пять оврагов вроде нашего. А ещё иголки для шитья! И куча всяких штучек, не знаю, для чего. Стена за столом была увешана полками, они тоже были забиты металлом.

– Всегда рад видеть юные лица! – хозяин возник за столом незаметно. Стол был ему велик – роста хозяин лавки был чуть выше меня, но раза в три шире. Одна рука его могла вместить целый круг сыра, и ещё бы пальцы торчали. Глаза прятались за мохнатыми бровями, рот – за кудрявой, заплетенной бородой, а всё остальное за рыже-курчавой гривой волос. Но целиком, с гудящим голосом, от которого щекотало где-то в пятках, он выглядел очень добрым. И не похожим на других жителей деревни. Те были темноволосые, высокие и какие-то печальные. Правда, нам они улыбались. Невесёлыми улыбками.

– Мне нужен крючок для рыб, чтобы зимой ловить, – объяснил Мисик. – В реке.

– В реке? Река далеко, через лес, – медленно проговорил хозяин лавки. – Вы оттуда? Тот я вас раньше не видел.

– Мы здесь рыб продаём, копчёных, – объяснил Мисик. – Летом легко ловить сетью, а зимой нужен крючок.

– Не слышал, чтобы за лесом была деревня. Была когда-то за рекой, но сейчас там никто не живёт.

– Мы живём, – рассердилась я. – В лесу. И деревня за рекой есть, в овраге, потому что туман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.